

ЧТЕНИЕ — ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ

Фрэнсис Бёрнетт

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

 Machaon

Чтение – лучшее учение

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

**Маленькая принцесса,
или История Сары Кру**

«Азбука-Аттикус»

1905

УДК 821.111-31-93
ББК 84(4Вел)

Бёрнетт Ф.

Маленькая принцесса, или История Сары Кру / Ф. Бёрнетт —
«Азбука-Аттикус», 1905 — (Чтение – лучшее учение)

ISBN 978-5-389-24297-5

В 1905 году детская писательница Фрэнсис Бёрнетт (1849–1924) написала удивительную историю о необычной девочке Саре Кру. Сара родилась в Индии, стране невиданных богатств и волшебства. Она жила, как настоящая принцесса, в роскоши, окруженная заботой и любовью. И, как полагается принцессе, даже в самые тёмные времена Сара сохранила доброе сердце и веру в чудеса, которые помогали ей отважно переносить все невзгоды. Чистая, светлая душа девочки, умение любить и сострадать сотворили настоящее волшебство и изменили жизнь Сары к лучшему. В книге есть вступительная статья о творчестве писательницы.

УДК 821.111-31-93

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-389-24297-5

© Бёрнетт Ф., 1905
© Азбука-Аттикус, 1905

Содержание

Сказка без волшебства	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фрэнсис Бёрнетт Маленькая принцесса, или История Сары Кру

*Frances Burnett
A LITTLE PRINCESS
1905*

*Вступительная статья
Александры Глебовской*

© Демурова Н. М., наследники, перевод на русский язык, 2023

© Казбекова Л. Л., иллюстрации, 2023

© Вступительная статья, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,
2023
Machaon®

Сказка без волшебства

Если в заглавии книги стоит слово «принцесса», можно заранее догадаться, какую историю мы сейчас будем читать: историю о девочке, сказочно красивой, богатой и очень милой – пусть при этом и плохо знающей жизнь, ведь она родилась и выросла во дворце. В сказке обязательно будет присутствовать Злое Волшебство, которое заставит принцессу пройти через множество тяжёлых испытаний, и Доброе Волшебство, которое спасёт её в самый безнадёжный момент. У сказки, несмотря ни на что, будет счастливый конец – ведь добрые волшебники всегда могущественнее злых.

Впрочем, в глубине души мы с вами знаем, что волшебства, скорее всего, не бывает.

Знали об этом и англичане, жившие в XIX веке, но они очень любили волшебство, а потому зачитывались книгами, в которых роль волшебства играла Судьба или Счастливый Случай, – нищая сирота стучится в дверь к незнакомым людям, а потом оказывается, что они её дальние родственники и она теперь богатая наследница; а добрая девушка, подобравшая на улице полуживого мальчика-беспризорника, через много-много страниц узнает, что это её родной племянник, – про это вы ещё прочитаете в замечательных романах Шарлоты Бронте и Чарльза Диккенса.

Фрэнсис Элиза Бёрнетт знала, что значит быть принцессой и каково это – потерять всё. Она родилась в 1849 году в Манчестере, в богатой семье, и в детстве привыкла жить как настоящая принцесса. А потом отец её умер, и довольно скоро семья осталась совсем без средств. В поисках лучшей жизни они уехали в Америку, Фрэнсис начала писать рассказы, а потом и романы – и литературное слово оказалось волшебным: Фрэнсис заработала целое состояние, у неё появился свой дом, много роскошных нарядов и драгоценностей, которые она, кстати, очень любила – как и положено принцессе.

В 1888 году Фрэнсис Бёрнетт написала небольшую повесть, которая называлась «Сара Кру, или О том, что случилось в пансионе мисс Минчин». Потом она переработала тот же сюжет в пьесу под красноречивым названием «Принцесса не из сказки», а в 1905 году написала более полный вариант – и получился тот роман, который вы сейчас начнёте читать.

Его главная героиня Сара Кру действительно похожа на принцессу. Она – дочь английского офицера, который служит в Индии, а Индию её современники-англичане считали страной неслыханной роскоши, богатств и волшебства. У каждой девочки, приезжающей из Индии в Англию получать образование, должно быть тайное или явное богатство (вы когда-нибудь обязательно прочитаете повесть Артура Конан Дойла «Знак четырёх»), но дальше, как и во всякой сказке, в дело вмешивается злая судьба – и принцесса превращается в Золушку... Да, именно так, а не наоборот.

Но давайте подумаем о том, кого принято называть «принцессой». Да, девочку, которая богата, нарядна, очень красива и окружена заботой. Но ты никогда не станешь настоящей принцессой, если не наделена добротой, сострадательностью, отважным сердцем и умением с первого взгляда отличать добро от зла. Богатство можно отнять, доброту – никогда. И потому принцесса, лишившаяся своего богатства, не перестаёт быть принцессой.

Она продолжает говорить злой волшебнице в лицо, что та – злая. Она продолжает помогать тем, кому, в отличие от неё, не досталось ни острого ума, ни королевских сокровищ. И тут оказывается, что если ты кого-то любил и поддерживал, то и тебе ответят любовью и поддержкой. Никакое это не волшебство, просто так устроена жизнь.

А когда всё становится совсем уж мрачно, происходит то, что в литературе придумали очень-очень давно – ещё в Древней Греции. Этот приём, который часто использовали в греческом театре, называется «бог из машины»: казалось бы, персонажи попали в совсем уж безна-

дѣжное положение, но тут вдруг на сцене с шумом и грохотом появляется всемогущий персонаж и наводит порядок, который никаким другим способом навести невозможно.

В нашей истории персонаж будет далеко не всемогущим и появится без всякого грохота, наоборот, в очень печальном виде – ведь он тоже, по сути, принц, лишившийся своего королевства. Ему тоже нужно волшебство, чтобы вернуться к жизни, – а оно оказывается совсем недалеко, на соседнем чердаке...

Фрэнсис Бёрнетт просто хотела рассказать нам, чем настоящая принцесса отличается от обыкновенной девочки. Оказалось – дело вовсе не в том, сколько у неё шёлковых платьев.

А если ты всё-таки принцесса, то Судьба никогда тебя не бросит. Когда будете читать эту книгу, посчитайте число счастливых совпадений на её страницах. Перевернув последнюю, вы, наверное, с удивлением скажете: «Нет, так всё-таки не бывает». Действительно не бывает, ведь перед нами сказка. Только без волшебства.

Александра Глебовская

Глава 1

Сара

Тёмным зимним днём, когда над лондонскими улицами навис такой густой и вязкий туман, что фонари не тушили и они горели как ночью, а в магазинах зажгли газ, по широким мостовым медленно катил кеб, в котором рядом с отцом сидела странная девочка.

Она сидела, поджав под себя ноги и прислонясь к отцу, который обнимал её одной рукой, и глядела в окно на прохожих – в её больших глазах застыла непонятная, недетская задумчивость.

Она была так юна, что задумчивость никак не шла к её маленькому личику. Странно было бы увидеть её и на лице двенадцатилетней девочки, а Саре Кру было всего семь. Надо признаться, впрочем, что она часто задумывалась или мечтала о чём-то своём, необычном, и всегда, сколько себя помнила, размышляла о взрослых и о том мире, в котором они живут. Ей чудилось, что она уже прожила долгую-долгую жизнь.

Она вспоминала путешествие, которое только что совершила вместе с отцом, капитаном Кру. Она видела огромный корабль, на котором они плыли из Бомбея, молчаливых ласкаров¹, тихо снующих вокруг, детей, игравших на жаркой палубе, молодых офицерских жён, которые заговаривали с ней, а потом смеялись её словам.

Больше всего её занимала мысль о том, как всё это странно: только что она жила под индийским солнцем, потом вдруг очутилась посреди океана, а теперь вот ехала в незнакомом экипаже по незнакомым улицам, где днём было темно, как ночью. Ей это казалось столь удивительным, что она только прижималась поближе к отцу.

– Папочка, – произнесла она так тихо, что голос её прозвучал таинственно. – Папочка...

– Да, милая? – отвечал капитан Кру, крепче обнимая её и заглядывая ей в лицо. – О чём это задумалась моя Сара?

– Это то самое место? – прошептала Сара, прижимаясь к нему ещё ближе. – Да, папочка?

– Да, маленькая, это оно. Мы наконец приехали.

И хотя Саре было всего семь лет, она знала, что ему сейчас так же грустно, как и ей.

Вот уже несколько лет, думала она, как он стал приучать её к мысли об этом «месте» (так она всегда его называла). Мать Сары умерла при её рождении, Сара её не знала и не скучала о ней. Во всём свете у неё не было никого, кроме её молодого, красивого, богатого и любящего отца. Они часто играли вместе и были очень привязаны друг к другу. О его богатстве Сара узнала случайно: кто-то говорил об этом при ней, думая, что она не слышит; а ещё она слышала, так они говорили, что и она, когда вырастет, будет богата. Она не знала, что это значит. Она всегда жила в красивом бунгало² и привыкла к тому, что в доме множество слуг, которые

¹ Ласкары (англо-инд.) – индийцы, служившие в британской армии и флоте. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Бунгало – просторный одноэтажный дом в тропических странах со множеством окон, дверей и веранд.

кланялись ей и называли «мисси сахиб»³ и во всём ей уступали. У неё были игрушки, домашние животные и нянюшка – айя⁴, которая её боготворила, и понемногу она привыкла к тому, что у людей богатых всё это есть. Впрочем, больше она ничего об этом не знала.

За всю её короткую жизнь Сару тревожила лишь одна мысль: это была мысль о том «месте», куда её когда-нибудь отошлют. Климат Индии вреден детям – при первой же возможности их увозят, обычно домой в Англию, где определяют в школу-пансион. Она видела, как уезжают другие дети, слышала, как родители обсуждают полученные от них письма. Она знала, что и ей придётся уехать, и, хотя порой её увлекали отцовские рассказы о путешествии через океан и о неведомой Англии, мысль о том, что ей придётся с ним расстаться, её тревожила.

– А ты не мог бы поехать со мной в это место, папочка? – спросила она, когда ей было пять лет. – Может, и ты тоже поступил бы в школу? Я бы тебе помогала с уроками.

– Ты там недолго пробудешь, моя маленькая, – всегда отвечал он. – Это хороший дом, там будет много девочек, и вы будете вместе играть, а я буду присылать тебе много-много книжек. Ты так быстро вырастешь, что тебе покажется, будто и года не прошло, а ты уже стала такая большая и умная, что сможешь вернуться и заботиться о своём папочке.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство, ездить с отцом верхом, сидеть во главе стола, когда он будет давать обеды; беседовать с ним, читать его книги – лучшего она не могла бы себе и представить, а если для этого нужно поехать в Англию, что ж, придётся! Общество других девочек её не привлекало. Но хорошо, если у неё будет много книжек. Книжки Сара любила больше всего; впрочем, она и сама часто придумывала разные истории. Иногда она рассказывала их отцу, и ему они нравились.

– Что ж, папочка, – произнесла чуть слышно Сара, – если мы приехали, придётся с этим примириться.

Услышав такие недетские речи, капитан рассмеялся и поцеловал её. Сам он никак не мог с этим примириться, хотя и понимал, что лучше об этом не говорить. Он так привык к обществу своей дочурки-причудницы, что знал: ему будет очень грустно, когда он вернётся в Индию, в пустое бунгало, а навстречу ему не выбежит маленькая фигурка в белом платьице. А потому, когда кеб повернул на большую мрачную площадь и остановился перед большим домом, он только обнял дочку крепче.

Это было кирпичное мрачное здание, точь-в-точь такое же, как все соседние дома, только на парадной двери блестела медная дощечка с выгравированными на ней чёрными буквами:

Мисс Минчин

ПАНСИОН
ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХ
МОЛОДЫХ ДЕВИЦ

– Вот мы и приехали, Сара, – сказал капитан Кру, стараясь, чтобы голос его звучал как можно бодрее.

Он поднял Сару и поставил на землю, а потом они поднялись по ступенькам и позвонили в дверь. Позже Сара не раз размышляла о том, что дом каким-то странным образом походил на самое мисс Минчин. Дом был солидный; в нём стояла всевозможная мебель, но всё казалось на удивление некрасивым, даже из кресел будто кости торчали. Мебель в холле была жёсткой и блестела от полировки, даже круглые щёки луны, украшавшие циферблат стоявших в углу высоких часов, были ярко начищены и имели суровый вид. В гостиной, куда провели Сару и её

³ Мисси сахиб (*англо-инд.*) – маленькая госпожа. Так слуги в Индии называли господских дочерей и незамужних женщин; сахиб (*англо-инд.*) – господин.

⁴ Айя (*англо-инд.*) – няня.

отца, лежал на полу ковёр с узором из квадратов, стулья были квадратными, а на мраморной каминной доске стояли тяжёлые часы.

Сара уселась на жёсткий стул красного дерева и обвела комнату быстрым взглядом.

– Мне здесь не нравится, папочка, – сказала она. – Впрочем, я думаю, что солдатам тоже не нравится идти в бой – даже самым храбрым!

Капитан Кру расхохотался. Молодой и весёлый, он любил странные речи своей дочери.

– Ах, что я буду без тебя делать, малышка?! – вскричал он. – Кто мне будет говорить такое? В этом с тобой никто не сравнится!

– Но почему ты всегда над ними смеёшься? – спросила Сара.

– Потому что мне весело тебя слушать, – ответил он и снова рассмеялся.

А потом схватил её в объятия и крепко поцеловал – лицо у него вдруг стало серьёзным, и на глаза как будто навернулись слёзы.

В этот миг в гостиную вошла мисс Минчин, и Сара тотчас решила, что она очень похожа на свой дом: высокая и мрачная, солидная и некрасивая. У неё были большие, холодные, как у рыбы, глаза и широкая, холодная, как у рыбы, улыбка. Увидев Сару и капитана Кру, мисс Минчин заулыбалась ещё шире. Она слышала о капитане много приятного от дамы, которая рекомендовала ему её школу, а главное – что он богат и не пожалеет расходов на свою дочку.

– Взять на себя заботы о такой красивой и способной девочке – для меня большая честь, капитан Кру, – проговорила она, поглаживая Сару по руке. – Леди Мередит мне рассказывала, что она необычайно умна. Способный ребёнок – настоящее сокровище в учебном заведении.

Сара спокойно стояла, не сводя глаз с лица мисс Минчин. Станные мысли приходили, как всегда, ей в голову.

«Зачем она говорит, что я красивая? – думала она. – Я совсем не красивая. Вот Изабел, дочка полковника Грейнджа, красивая. У неё щёки розовые, с ямочками, а волосы длинные, золотистые. А у меня короткие чёрные волосы, а глаза зелёные, к тому же я такая худая и смуглая. Я ужасно некрасивая. Она с самого начала говорит неправду».

Впрочем, Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Конечно, она нисколько не походила на Изабел Грейндж, которой восхищались все в полку, зато она обладала особым, ей одной присущим очарованием. Стройная, гибкая, высокая для своих лет, с лицом выразительным и привлекательным. Волосы, густые и чёрные, слегка вились на концах; зеленовато-серые глаза Саре не нравились, но это были огромные чудесные глаза с длинными чёрными ресницами, и многие ими восхищались. Несмотря на всё это, Сара считала себя дурнушкой, и лесть мисс Минчин была ей неприятна.

«Скажи я, что она красива, это была бы неправда, – думала Сара, – и я бы это знала. Я, верно, такая же некрасивая, как она, – только по-другому. Почему она это сказала?»

Когда Сара ближе познакомилась с мисс Минчин, она поняла, почему та это сказала. Она обнаружила, что мисс Минчин говорила одно и то же всем родителям, отдававшим своих дочерей в её школу.

Сара стояла рядом с отцом и слушала его разговор с мисс Минчин. Капитан остановил свой выбор на пансионе мисс Минчин потому, что здесь воспитывались обе дочери леди Мередит, а капитан Кру относился к леди Мередит с чрезвычайным почтением и полагался на неё. Он хотел бы, чтобы Сара находилась в пансионе «на особом положении» и чтобы всяких удобств и привилегий у неё было даже больше, чем у других привилегированных учениц. Пусть у неё будет своя уютная спальенка и своя гостиная, коляска с пони и собственная горничная взамен айти, которая ходила за ней в Индии.

– Ученье даётся ей легко, – сказал капитан Кру с весёлым смехом, держа Сару за руку и поглаживая её, – так что это меня не беспокоит. Трудность будет в том, чтобы удержать её от слишком усердных занятий. Вечно она у меня сидит, уткнув нос в книжку. Она книжки не читает, мисс Минчин, она их глотает, словно она не ребёнок, а волк. И никак не может насытиться – подавай ей всё новые! Чем больше, чем длиннее, чем толще – тем лучше! А ещё лучше, если это книжки для взрослых! Можно по-английски, а можно и по-французски или по-немецки – ей всё равно! Она и историю, и поэзию, и биографии любит – всё что угодно!

Прошу вас, не давайте ей слишком зачитываться, мисс Минчин. Пусть покатается в манеже верхом или погуляет и купит себе новую куклу. Ей бы вообще лучше играть побольше в куклы.

– Но, папочка, – сказала Сара, – если я буду каждые несколько дней покупать куклу, у меня их будет слишком много и я не смогу их всех любить. Куклы должны быть подругами. Моей подругой будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин, а мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

– Кто это – Эмили? – спросила мисс Минчин.

– Расскажи мисс Минчин, Сара, – произнёс капитан Кру с улыбкой.

Зеленовато-серые глаза потеплели, и Сара без тени улыбки ответила:

– Это кукла, которой у меня ещё нет. Папа обещал мне её купить. Мы вместе поедem её искать. Я назвала её Эмили. Она будет мне другом, когда папа уедет. Я буду с ней говорить о нём.

Мисс Минчин улыбнулась широкой рыбьей льстивой улыбкой.

– Какой оригинальный ребёнок! – воскликнула она. – Какая прелестная малышка!

– Да, – согласился капитан Кру, прижимая к себе дочь. – Она прелестная малышка! Берегите же её, мисс Минчин.

Следующие дни Сара провела вместе с капитаном Кру в гостинице, где он остановился. Она оставалась с ним до того дня, когда он отплыл в Индию. Они обошли вместе множество магазинов и сделали множество покупок. По правде говоря, гораздо больше, чем было нужно; но капитан Кру был человек щедрый, непрактичный, и ему хотелось, чтобы у дочери было всё, чем она восхищалась, а также и то, чем восхищался он сам. В результате они обзавелись гардеробом, который был слишком роскошен для семилетней девочки. Они купили бархатные платья, отделанные дорогим мехом, и платья кружевные и вышитые, а также шляпы с большими мягкими страусовыми перьями, шубки с горностаевой отделкой и муфтами, коробки крошечных перчаток, носовых платков и шёлковых чулок – и всё в таком количестве, что учтивые продавщицы, стоявшие за прилавками, зашептались о том, что странная девочка с задумчивыми большими глазами, верно, какая-то иностранная принцесса, а может, дочка индийского раджи⁵.

И наконец они нашли Эмили. Но прежде, чем они её обнаружили, им пришлось посетить множество игрушечных магазинов и пересмотреть множество кукол.

– Я хочу, чтобы она не была похожа на куклу, – говорила Сара. – Я хочу, чтобы у неё был такой вид, будто она меня слушает, когда я с ней говорю. Горе в том, папочка, что куклы... – Тут Сара наклонила голову и подумала. – Горе в том, что у кукол всегда такой вид, будто они ничего не слышат.

Они пересмотрели множество кукол – больших и маленьких, с чёрными глазами и с голубыми, с каштановыми кудрями и золотыми косами, одетых и не одетых.

– Понимаешь, – говорила Сара, разглядывая куклу, на которой не было никаких одежд, – если я найду Эмили, а она будет не одета, мы можем отвезти её к портнихе и закажем ей платья. Они будут лучше сидеть, если будут сшиты по мерке.

Два или три магазина они миновали, даже не заходя внутрь; наконец, когда они приблизились к небольшой игрушечной лавке, Сара вдруг вздрогнула и схватила отца за руку.

– О папочка! – вскричала она. – Вон Эмили!

Щеки у неё зарделись, а в зеленовато-серых глазах появилось такое выражение, будто она узнала кого-то давно знакомого и любимого.

– А ведь она нас ждёт! – сказала Сара. – Пойдём же к ней!

– Вот незадача! – воскликнул капитан Кру. – Что же делать? Надо, чтобы кто-то нас представил.

⁵ Раджа (англо-инд.) – владетельный индийский князь.

– Ничего, – отвечала Сара, – ты представишь меня, а я – тебя. Знаешь, я её тотчас узнала – может, и она меня тоже.

Вероятно, так оно и было. Во всяком случае, когда Сара взяла Эмили в руки, глаза у той глядели на удивление умно. Это была большая кукла, но не настолько, чтобы её было неудобно носить; длинные, по пояс, золотисто-каштановые волосы у неё вились, а глаза были ясные, серо-голубые с шелковистыми густыми ресницами, настоящими, а не нарисованными.

– Да, папочка, это она, – произнесла Сара, сажая куклу себе на колени и вглядываясь ей в лицо. – Это и вправду Эмили.

Эмили купили и отвезли в мастерскую, где продавалось всё для детей и кукол, – там с неё сняли мерку и выбрали такие же, как у Сары, великолепные вещи. Так Эмили тоже обзавелась кружевными, бархатными и кисейными платицами, шляпками, шубками, изящным кружевным бельём, перчаточками, носовыми платочками и мехами.

– Мне бы хотелось, чтобы она всегда выглядела так, будто мама у неё очень заботливая, – говорила Сара. – Я буду ей мамой, хотя и хочу, чтобы она была мне подругой.

Капитан Кру делал бы все эти покупки с большим удовольствием, если бы не грустная мысль, которая сжимала ему сердце. Ведь всё это означало, что ему предстоит расстаться со своей любимой маленькой дочкой-причудницей.

Среди ночи он поднялся с постели и долго стоял, глядя на Сару, которая крепко спала, обняв Эмили. Её чёрные волосы разметались по подушке, смешавшись с золотисто-каштановыми кудрями Эмили; обе были в ночных сорочках, отделанных кружевом, и у обеих были длинные, загнутые ресницы. Эмили до того походила на живую, что капитан Кру порадовался, что она остаётся с Сарой. Он глубоко вздохнул и подёргал себя, словно мальчишка, за ус.

«Ах, моя маленькая, – сказал он про себя, – ты даже не подозреваешь, как будет скучать по тебе твой папочка».

На следующий день он отвёз Сару к мисс Минчин. Его корабль отплывал на следующее утро. Он объявил мисс Минчин, что оставляет в Англии своими поверенными в делах Бэрроу и Скипворта, к которым она может, если понадобится, обращаться за советом. Он будет писать Саре два раза в неделю и хочет, чтобы у неё было всё, чего она пожелает.

– Она девочка разумная, – прибавил он, – и никогда не просит того, что ей вредно.

А потом он ушёл вместе с Сарой в её маленькую гостиную, чтобы проститься с нею наедине. Сара уселась к нему на колени, взяла в обе ручки отвороты его сюртука и посмотрела ему в лицо долгим внимательным взглядом.

– Хочешь выучить меня наизусть, малышка? – спросил капитан.

– Нет, – отвечала Сара, – я и так знаю тебя наизусть. Ты у меня в самом сердце.

Они обнялись и долго целовали друг друга – никак не могли расстаться.

Когда кеб тронулся, Сара опустилаcь возле низкого окна на пол, оперлась подбородком на руки и следила за ним взглядом, пока он не скрылся за углом. Рядом с ней сидела Эмили и тоже провожала кеб взглядом.

Когда мисс Минчин послала свою сестру, мисс Амелию, посмотреть, что там делает этот ребёнок, та обнаружила, что дверь заперта.

– Я её заперла, – произнёс из-за двери тихий вежливый голосок. – Я хочу побыть одна, если позволите.

Пухлая, рыхлая мисс Амелия трепетала перед сестрой. Она была добродушнее, чем мисс Минчин, но никогда не осмеливалась послушаться сестры. Она спустилась вниз с тревожным видом.

– В жизни не видала такого странного ребёнка, – сказала мисс Амелия. – Заперлась в своей комнате и сидит там тихо, словно мышка. Будто и не ребёнок вовсе!

– Куда лучше, чем если бы она вопила и брыкалась как некоторые, – отвечала мисс Минчин. – А я-то думала, что такая балованная девочка, как она, подымет крик и всполошит весь дом. Ей всегда во всём потакали.

– Я разбирала её сундуки, – продолжала мисс Амелия. – В жизни не видала такой роскоши: шубки с соболем и горностаем, а на белье – настоящее валенсианское кружево. Ты ведь видела кое-что из её нарядов. Что ты об этом скажешь?

– По-моему, это просто смешно, – отвечала мисс Минчин резко. – Впрочем, в воскресенье, когда мы поведём учениц в церковь, а она пойдёт впереди всех, наряды произведут хорошее впечатление. У неё всего столько, словно она маленькая принцесса.

Сара и Эмили сидели наверху на полу за закрытыми дверями и не сводили глаз с того места, где скрылся за углом кеб. А капитан Кру всё оглядывался назад, махал рукой и посылал, и посылал воздушные поцелуи, словно никак не мог остановиться.

Глава 2

Урок французского

Когда на следующее утро Сара вошла в классную комнату, все с любопытством уставились на неё. К этому времени все ученицы – начиная с Лавинии Герберт, которая чувствовала себя совсем взрослой, потому что ей скоро исполнится тринадцать, и кончая четырёхлетней Лотти Ли, самой маленькой в школе, – слышали о ней всяких рассказов. Они определённо знали, что мисс Минчин очень гордится этой ученицей, которая делает честь её заведению. Кое-кому из учениц удалось даже краешком глаза увидеть её горничную, французенку по имени Мариэтт, прибывшую накануне вечером. Лавиния, уловив подходящую минутку, прошла мимо комнаты Сары, когда дверь была открыта, и увидела, как Мариэтт разбирает коробку, присланную с опозданием из какой-то лавки.

– Сколько там было нижних юбок с кружевными оборками! – шепнула она, пригнувшись над учебником географии, своей подруге Джесси. – Много-много! Я видела, как французенка их вынимала и встряхивала. А мисс Минчин сказала мисс Амелии, что платья у неё такие роскошные, что это просто смешно! Ведь она ещё совсем ребёнок! Моя мама говорит, что детей надо одевать просто. А знаешь, на ней и сейчас такая нижняя юбка с кружевом. Я видела – когда она садилась!

– А на ногах у неё шёлковые чулки! – шепнула в ответ Джесси, тоже склоняясь над географией. – А какие у неё маленькие ножки! В жизни таких не видела!

– Просто у неё туфельки такие, – фыркнула в ответ Лавиния. – Моя мама говорит, что, если сапожник хороший, он туфельки так сошьёт, что даже большие ноги будут казаться маленькими. По-моему, она совсем не красивая. Глаза какого-то странного цвета.

– Да, она не красивая, в обычном смысле, – сказала Джесси, кинув украдкой взгляд на новенькую, – только на неё хочется ещё посмотреть. Ресницы у неё длинные на удивление, а глаза почти совсем зелёные.

Сара спокойно сидела на своём месте и ждала, чтобы ей сказали, что нужно делать. Её посадили впереди, рядом со столом мисс Минчин. Любопытные взгляды учениц её совсем не смущали. Ей было интересно, и она спокойно смотрела на разглядывавших её девочек. Интересно, о чём они думают, нравится ли им мисс Минчин, любят ли они заниматься и есть ли у кого-то отец, хоть немного похожий на её отца? Утром она долго рассказывала Эмили об отце.

– Он теперь в море, Эмили, – говорила она. – А мы должны дружить и всё друг другу рассказывать. Посмотри-ка на меня, Эмили. Какие у тебя глаза красивые! Просто прелесть! Жаль только, что ты не умеешь говорить.

Сара любила фантазировать и вечно выдумывала всякие причудливые истории. Ей было бы большим утешением думать, будто Эмили живая и всё слышит и понимает.

Когда Мариэтт одела девочку в тёмно-синее форменное платье и завязала волосы тёмно-синей лентой, она подошла к Эмили, сидевшей в своём креслице, и вручила ей книгу.

– На-ка, почитай, пока меня не будет, – сказала она.

Увидав, что Мариэтт с любопытством смотрит на неё, она серьёзно пояснила:

– Куклы много чего умеют, только мы об этом не догадываемся. Я это твёрдо знаю. Может быть, Эмили и правда умеет читать, говорить и ходить, но делает это только тогда, когда в комнате никого нет. Это её тайна. Ведь если бы люди узнали, что куклы многое умеют, они бы заставили их работать. Может быть, поэтому куклы и дали друг другу клятву хранить тайну. Если вы останетесь в комнате, Эмили будет просто сидеть с широко открытыми глазами. Однако если вы уйдёте, она станет читать или, может, смотреть в окошко. Но только услышит,

что кто-то возвращается, тотчас прибежит, прыгнет в своё креслице и сделает вид, что так там и сидела всё время.

«*Comme elle est drôle!*»⁶ – подумала Мариэтт и, сойдя вниз, рассказала об этом старшей горничной. Впрочем, ей нравилась эта странная девочка, у которой было такое умное личико и такие прекрасные манеры. Раньше она ходила за детьми, которые вовсе не были так вежливы. Сара была очень хорошо воспитана и умела так приятно и учтиво говорить: «Пожалуйста, Мариэтт» и «Спасибо, Мариэтт», что совсем её очаровала. Мариэтт сказала старшей горничной, что Сара её благодарит так, будто разговаривает с леди. «*Elle al'air d'une princesse, cette petite*»⁷, – прибавила она.

Мариэтт была в восторге от своей новой маленькой госпожи, и место ей очень нравилось.

После того как все нагляделись на Сару, сидевшую за своей партой, мисс Минчин величественно постучала по столу.

– Девицы, – сказала она, – я хочу представить вам новую воспитанницу.

Девочки встали – встала и Сара.

– Я надеюсь, что вы все будете внимательны к мисс Кру. Она приехала к нам издалека – из Индии. Когда классы закончатся, вы должны познакомиться друг с другом.

Ученицы церемонно поклонились. Сара сделала реверанс, а потом все снова сели и стали снова смотреть друг на друга.

– Сара, – произнесла мисс Минчин строго, как обычно говорила в классе, – подойдите ко мне.

Мисс Минчин взяла со стола книгу и стала перелистывать её. Сара подошла.

– Отец ваш нанял вам горничную-француженку, – начала мисс Минчин. – Он, как я понимаю, хочет, чтобы вы хорошенько изучили французский язык.

Сара немного смутилась.

– Я думаю, он её нанял, – сказала она, – потому... потому что думал, что она мне понравится, мисс Минчин.

– Боюсь, – заметила мисс Минчин с кислой улыбкой, – что вас очень избаловали и оттого вы думаете, что всё делается для вашего удовольствия. Мне лично кажется, что ваш батюшка хотел, чтобы вы научились говорить по-французски.

Будь Сара постарше и не заботясь она вечно о том, чтобы не показаться невежливой, она бы в нескольких словах всё разъяснила. Но она смутилась – краска бросилась ей в лицо. Суровая и внушительная мисс Минчин была совершенно уверена в том, что Сара вовсе не знает французского; было неловко её поправлять. На деле же Сара, сколько она себя помнила, всегда говорила по-французски. Когда она была ещё совсем крошкой, её отец часто говорил с ней по-французски. Мать Сары была француженкой, и капитан Кру любил её язык. И потому Сара всегда его слышала и знала его как родной.

– Конечно, я... я никогда не учила французский, но... но... – лепетала она, пытаясь объясниться.

Мисс Минчин, к крайнему своему огорчению, не знала французского – и всячески скрывала это неприятное обстоятельство. Она не собиралась обсуждать далее эту тему, чтобы не выдать себя, – не дай бог, эта новенькая спросит её о чём-нибудь в простоте сердечной.

– Довольно, – произнесла она вежливо, но твёрдо. – Если вы его не учили, самое время начать. Месье Дюфарж, учитель французского, будет здесь через несколько минут. Возьмите учебник и посмотрите его, пока он не придёт.

Щёки у Сары пылали. Она вернулась на своё место и раскрыла книгу. Она глядела на первую страницу, стараясь сохранить серьёзность. Она понимала, что ей нельзя улыбнуться, –

⁶ Какая она забавная! (фр.)

⁷ Она просто принцесса, эта крошка! (фр.)

ведь она не хотела никого обидеть. Но ей было смешно учить, что *le père* по-французски – «отец», а *la mere* – «мать».

Мисс Минчин внимательно посмотрела на неё.

– Вы как будто недовольны, Сара, – сказала она. – Я сожалею, что французский вам не нравится.

– Я очень люблю французский, – отвечала Сара, делая ещё одну попытку объясниться, – только...

– Вы не должны возражать, когда вам велят что-то делать, – перебила её мисс Минчин. – Читайте дальше.

Сара так и поступила и ни разу не улыбнулась, даже когда узнала, что *le fils* означает «сын», а *le frère* – «брат».

«Когда придёт месье Дюфарж, – думала она, – я ему всё объясню».

Месье Дюфарж не заставил себя ждать. Это был очень приятный и умный француз средних лет; он с интересом поглядел на Сару, которая из вежливости делала вид, что поглощена чтением.

– Это моя новая ученица, мадам? – обратился он к мисс Минчин. – Надеюсь, что мне выпала удача.

– Её отец, капитан Кру, очень хотел бы, чтобы она занялась французским. Боюсь только, что она испытывает ребяческое предубеждение против него. Ей, видно, не хочется его учить.

– Мне очень жаль, мадемуазель, – сердечно сказал месье Дюфарж. – Возможно, когда мы станем заниматься вместе, я сумею показать вам, какой это очаровательный язык.

Бедная Сара встала. Она была в отчаянии от неловкого положения, в котором оказалась, и с умоляющим видом взглянула на месье Дюфаржа своими большими серо-зелёными глазами. Она знала, что он всё поймёт, стоит ей только заговорить. И она принялась объяснять – очень бегло и приятно выговаривая по-французски: мадам не поняла, она никогда не учила французский – по учебникам, – но её папа и другие всегда говорили с ней по-французски, и она читала и писала по-французски так же, как читала и писала по-английски; её папа любит французский, и она его поэтому тоже любит; её бедная мамочка, которая умерла при её рождении, была француженка; она будет рада выучиться всему, что месье захочет ей преподавать, она только пыталась объяснить мадам, что слова из учебника она уже знает. И она протянула ему учебник.

Когда Сара заговорила, мисс Минчин, вздрогнув всем телом, с негодованием взглянула на неё поверх очков. Она не сводила с Сары глаз, пока та не смолкла. Месье Дюфарж радостно улыбнулся. Слушая, как этот детский голосок так просто и красиво выговаривает по-французски, он почувствовал, словно снова очутился на родине, которая в эти сумрачные лондонские дни казалась ему столь далёкой. Когда Сара смолкла, он принял у неё учебник, ласково глядя на неё. Но ответил он мисс Минчин.

– Ах, мадам, – проговорил он, – я не многому могу её научить. Она французский не учила – она француженка. У неё прелестный выговор.

– Почему же вы мне сами не сказали?! – вскричала с досадой мисс Минчин, обернувшись к Саре.

– Я... я пыталась, – произнесла Сара. – Я... я, верно, не так начала.

Мисс Минчин знала, что Сара пыталась и что она не виновата в том, что ей не дали объясниться. Увидав, что ученицы слушают их разговор, а Лавиния и Джесси хихикают, закрывшись французскими грамматиками, мисс Минчин совсем вышла из себя.

– Девицы, прошу вас замолчать, – строго сказала она, стуча по столу. – Сию же минуту замолчите!

С этой минуты она невзлюбила свою новую ученицу.

Глава 3

Эрменгарда

В это же утро, когда Сара сидела возле мисс Минчин и глаза всего класса были устремлены на неё, она заметила девочку со светло-голубыми, немного сонными глазами, примерно одних с ней лет. Это была толстушка с пухлыми губами, по-видимому, не очень далёкая, но добродушная. Её льняные волосы были заплетены в тугую косу, перевязанную лентой; она перебросила косу через плечо и, упершись локтями в парту, кусала зубами ленту и с изумлением взирала на новую ученицу. Когда месье Дюфарж заговорил с Сарой, она было встревожилась; но когда Сара ступила вперёд и, устремив на него невинный молящий взгляд, вдруг ответила по-французски, толстушка удивлённо вздрогнула и густо покраснела от ужаса и изумления. Вот уже несколько недель, как она проливала горькие слёзы, стараясь запомнить, что *la mere* – это «мать», а *le père* – «отец» (к чему всё это, когда можно говорить и по-английски?), а тут вдруг эта новенькая, её ровесница, знает не только эти слова, но и множество других и без всякого труда составляет фразы.

Она глядела на Сару так пристально и так быстро жевала свою ленту, что привлекла внимание мисс Минчин, которая в раздражении тут же набросилась на неё.

– Мисс Сент-Джон! – вскричала она строго. – Что с вами? Снимите со стола локти! Выньте ленту изо рта! Сию же минуту сядьте прямо!

Мисс Сент-Джон снова вздрогнула всем телом, а когда Лавиния и Джесси захихикали, она ещё пуще покраснела – казалось, вот-вот из её глаз хлынут детские, простодушные слёзы. Сара это заметила и от души пожалела толстушку – она ей понравилась, и Саре захотелось с ней подружиться. Такая уж у Сары была особенность: если кого-то обижали, ей всегда хотелось встать на защиту.

«Будь Сара юношей и живи она несколько веков назад, – бывало, говаривал её отец, – она бы разъезжала с обнажённым мечом по свету и защищала бы всех, кто попал в беду. Она не может спокойно видеть, как кого-то обижают».

Вот почему Саре так понравилась толстая и неуклюжая мисс Сент-Джон; всё утро она то и дело поглядывала в её сторону. Сара поняла, что ученье давалось толстушке нелегко и что ей никогда не стать образцовой ученицей. Её французский был ниже всякой критики. Она так произносила слова, что даже месье Дюфарж не мог скрыть улыбки, а Лавиния, Джесси и другие более удачливые девочки хихикали или глядели на неё с презрительным недоумением. Но Сара не смеялась. Она делала вид, что не слышит, как коверкает слова мисс Сент-Джон. Сердце у Сары было горячее – она вознегодовала, услышав смешки и заметив, как огорчилась бедная девочка.

– Это совсем не смешно, – шептала она сквозь зубы, наклонившись над учебником. – Зачем они смеются?

Когда классы кончились и ученицы, разбившись на группки, стали болтать между собой, Сара поискала глазами мисс Сент-Джон и, увидев, что та грустно сидит в одиночестве на скамье, устроенной в оконном проёме, подошла к ней и заговорила. Она произнесла обычные слова, которые говорят друг другу девочки при первом знакомстве, но держала себя при этом мило и дружелюбно, что всегда производит хорошее впечатление.

– Как тебя зовут? – спросила Сара.

Мисс Сент-Джон изумилась. С ней хочет познакомиться новенькая, у которой есть собственный экипаж, пони и горничная и которая к тому же приехала прямо из Индии! Накануне вечером об этой новенькой судачили все воспитанницы – ведь новые ученицы всегда вызывают

всеобщий интерес! Утомлённые волнением и противоречивыми слухами, они заснули поздно. Нет, это не простое знакомство!

– Эрменгарда Сент-Джон, – отвечала толстушка.

– А меня Сара Кру, – сказала Сара. – Красивое у тебя имя. Словно из книжки!

– Тебе нравится? – робко спросила Эрменгарда. – А мне... нравится твоё.

Мисс Сент-Джон не повезло в жизни – у неё был очень умный отец. Порой ей казалось, что ничего хуже не придумаешь. Если отец у тебя всё знает, говорит на семи или восьми языках, имеет библиотеку в тысячи томов и, судя по всему, помнит все их наизусть, то ему, конечно, хочется, чтобы дочь по меньшей мере знала, что там написано в учебниках, и уж конечно он полагает, что она сумеет запомнить кое-какие факты из истории и сделать французское упражнение. Эрменгарда была тяжким испытанием для мистера Сент-Джона. Он никак не мог взять в толк, почему его дочь оказалась такой неспособной и глупой, почему никогда и ни в чём не отличилась.

«Ну и ну! – не раз говаривал он, глядя на дочь. – Порой мне кажется, что она так же глупа, как её тётка Элиза!»

Если тётке Элизе науки не давались, если она тотчас забывала всё, что выучила, то Эрменгарда действительно была ужасно на неё похожа. Сказать по правде, во всей школе не было большей тупицы, чем Эрменгарда.

– Заставьте её учиться! – сказал мистер Сент-Джон мисс Минчин.

В результате Эрменгарда проводила большую часть своей жизни в опале или в слезах. Она учила уроки – и тотчас забывала, а если что и помнила, то не понимала. Вот почему, познакомившись с Сарой, она взирала на неё с глубоким восхищением.

– Ты по-французски спокойно говоришь, правда? – спросила она уважительно.

Сара забралась на сиденье, устроенное в глубоком проёме окна, и, подобрав под себя ноги, уселась, обхватив колени руками.

– Говорю, потому что слышала его всю жизнь, – отвечала Сара. – Ты бы тоже говорила, если бы всегда его слышала.

– Ах нет, я бы не смогла! – воскликнула Эрменгарда. – Я бы никогда не смогла!

– Почему? – спросила с интересом Сара.

– Ты же слышала, как я сегодня отвечала. Это всегда так. Я эти слова просто не могу произносить. Они такие странные. – Она помолчала, а потом прибавила не без благоговения в голосе: – Ты ведь умная, правда?

Сара задумалась, глядя в окно на грязную площадь, где по мокрой железной ограде прыгали и чирикали воробьи, и на покрытые сажей ветви деревьев... Её часто называли «умной», и она спрашивала себя, так ли это, а если так, то как это вышло.

– Не знаю, – наконец отвечала она. – Мне трудно сказать.

Потом, увидев, что круглое розовощёкое лицо омрачилось, Сара засмеялась и переменяла тему.

– Хочешь взглянуть на Эмили? – предложила она.

– Кто это – Эмили? – спросила Эрменгарда совсем так же, как мисс Минчин.

– Пойдём ко мне в комнату – увидишь, – ответила Сара и протянула ей руку.

Они спрыгнули со скамьи и поднялись вверх.

– А правда, – зашептала Эрменгарда, когда они пересекали холл, – правда, что у тебя есть собственная комната для игр?

– Да, – ответила Сара. – Папа попросил об этом мисс Минчин... Знаешь, когда я играю, я сочиняю всякие истории и рассказываю их сама себе, и я не люблю, чтобы меня слышали. Если меня слушают, это всё портит.

К этому времени они были уже в коридоре, который вёл в комнату Сары. Услышав её ответ, Эрменгарда остановилась и, едва дыша, посмотрела на Сару широко раскрытыми глазами.

– Ты сочиняешь истории? – проговорила она с волнением. – Ты не только говоришь по-французски, но ещё и сочиняешь? Неужели это правда?

Сара взглянула на неё с изумлением.

– Послушай, это все умеют, – сказала она. – Разве ты никогда не пробовала? – Не дожидаясь ответа, она предостерегающе тронула Эрменгарду за руку и шепнула: – Давай тихонько подкрадёмся к двери – и я её распахну. Может, нам удастся поймать её врасплох!

Конечно, она шутила, но в глазах её мелькнула тайная надежда, которая увлекла Эрменгарду, хотя она и не понимала, что всё это значит, и кого Сара хочет поймать врасплох, и зачем это нужно. Впрочем, Эрменгарда не сомневалась, что увидит что-то на редкость приятное и удивительное. А потому, дрожа от радостного ожидания, она шла на цыпочках за Сарой по коридору. Неслышно подкравшись к двери, Сара быстро повернула ручку и распахнула дверь. В аккуратно прибранной комнате стояла тишина, в камине горел неяркий огонь, а в креслице возле камина сидела дивная кукла и как будто читала книжку.

– Ах, опоздали! – вскричала Сара. – Она успела добежать до своего кресла! Всегда так! Куклы такие быстрые, как молния!

Эрменгарда переводила взгляд с Сары на куклу и обратно. У неё перехватило дыхание.

– Она умеет... ходить? – спросила она изумлённо.

– Да, – отвечала Сара. – Так я, по крайней мере, думаю. Вернее, воображаю. И тогда мне кажется, что так оно и есть. А ты разве никогда ничего не воображала?

– Нет, – призналась Эрменгарда. – Никогда. Я... расскажи мне про это.

Её так околдовала эта странная новенькая, что она смотрела совсем не на Эмили, хотя в жизни не видела таких чудесных кукол, а на Сару.

– Давай сядем, – предложила Сара, – и я тебе расскажу. Это так просто – стоит только начать, и уже не остановишься! Придумываешь и придумываешь без конца! Это просто чудесно! Эмили, послушай. Это Эрменгарда Сент-Джон, Эмили. Эрменгарда, это Эмили. Хочешь её поддержать?

– А можно? – спросила Эрменгарда. – Нет, правда можно? Она такая красивая!

За всю свою короткую скучную жизнь мисс Сент-Джон даже и не мечтала, что ей выпадет счастье так чудесно провести время, как в это утро со странной новенькой. Они пробыли в комнате Сары целый час, пока не прозвенел звонок на обед и им не пришлось спуститься вниз.

Сара устроилась на коврик перед камином и рассказывала Эрменгарде удивительные вещи – её зелёные глаза сверкали, щёки горели. Она рассказала о своём путешествии и об Индии; но больше всего Эрменгарду увлекла фантазия о куклах, которые ходят, разговаривают и делают многое другое, стоит лишь людям выйти из комнаты. Своей тайны они никому не открывают и с быстротой молнии возвращаются на свои места, как только слышат, что кто-то идёт.

– Мы бы так не смогли, – серьёзно заметила Сара. – Это какое-то волшебство.

Когда она поведала о поисках Эмили, лицо её вдруг затуманилось, а свет в глазах погас. Эрменгарда это заметила. Какой-то странный звук, не то вздох, не то всхлип, вырвался у Сары из груди, а потом, словно приняв решение, она плотно сжала губы. Эрменгарде подумалось, что другая бы на её месте зарыдала. Но Сара сдержалась.

– У тебя что-то... болит? – осмелилась Эрменгарда.

– Да, – отвечала Сара, помолчав. – Только не тело. – И, сдерживая дрожь в голосе, тихо спросила: – Ты своего отца больше всего на свете любишь?

Эрменгарда разинула рот. Ей и в голову не приходило, что можно любить собственного отца; честно говоря, она готова была на всё, только бы не оставаться с ним наедине даже на

десять минут. Впрочем, она понимала, что благовоспитанной девочке, которая учится в пансионе для благородных девиц, признаться в этом невозможно. Она смутилась.

– Я... я его почти не вижу, – проговорила она запинаясь. – Он всегда сидит в библиотеке и что-то читает.

– А я своего папочку люблю больше всего на свете, и ещё в десять раз сильнее, – сказала Сара. – Вот почему мне больно. Ведь он уехал.

Она опустила голову на колени и несколько минут сидела не двигаясь.

«Сейчас заплачет», – со страхом подумала Эрменгарда.

Но Сара не заплакала. Короткие чёрные волосы упали ей на лицо; она молчала. Потом, не поднимая головы, произнесла:

– Я ему обещала, что выдержу, – и выдержу. Подумай, что приходится выносить военным! А мой папа военный. Случись война – ему бы пришлось идти в поход, страдать от жажды, может, даже от ран. Но он бы никогда ни слова не сказал – ни одного слова!

Эрменгарда молча смотрела на Сару; она чувствовала, что её заливают волна обожания. Сара такая удивительная! Она ни на кого не похожа!

Наконец Сара подняла голову и с какой-то странной улыбкой откинула назад пряди волос.

– Мне будет легче, если я буду говорить, – сказала она. – Буду говорить... буду рассказывать тебе про свои фантазии. Забыть не забуду, но выдержать легче.

Эрменгарда не знала, почему при этих словах горло у неё сжало, а на глаза навернулись слёзы.

– Лавиния и Джесси – закадычные подружки, – сказала она вдруг охрипшим голосом. – Вот бы и нам так. Ты бы согласилась со мной дружить? Ты умница, а я самая глупая в школе, но... ты мне так нравишься!

– Я рада, – отвечала Сара. – Когда кому-то нравишься, хочется сказать «спасибо». Да, давай дружить. И знаешь что? – Лицо у неё просветлело. – Я тебе помогу с французским.

Глава 4

Лотти

Будь у Сары другой характер, десять лет, которые ей предстояло провести в пансионе мисс Минчин, не пошли бы ей на пользу. С ней обращались так, словно она была почётной гостьей, а не просто маленькой девочкой. Будь она упрямой и высокомерной, она бы стала просто невыносимой – так ей во всём потакали и льстили. Будь она нерадивой, она бы ничему не научилась. Мисс Минчин в глубине души её невзлюбила, но она была женщина практичная и дорожила такой ученицей. Скажешь или сделаешь ей что-нибудь неприятное, а она возьмёт и оставит школу. Мисс Минчин прекрасно знала: стоит Саре написать отцу, что ей здесь плохо, и капитан Кру тотчас её заберёт. А потому она постоянно хвалила Сару и позволяла ей делать всё, что только та ни пожелает. Мисс Минчин была уверена, что всякий ребёнок, с которым так обращаются в школе, будет любить её. И потому Сару хвалили за всё: за успехи в занятиях, за прекрасные манеры, за доброту к подругам, за щедрость – стоило ей вынуть из кошелька, в котором никогда не переводились деньги, монетку в шесть пенсов и подать её нищему. Самый простой её поступок превращали в добродетель, и, не будь она умна и скромна, она бы стала весьма самодовольной девицей. Однако она судила весьма трезво и верно и о себе самой, и о своём положении. Порой Сара делилась своими мыслями с Эрменгардой.

– В жизни так много случайностей, – говорила она. – Мне, например, просто посчастливилось: я всегда любила читать и заниматься и всегда легко запоминала всё, что учила, – так уж вышло. Случилось так, что обо мне с рождения заботился добрый, умный, красивый отец и у меня всегда было всё, что мне хотелось. Может быть, на самом-то деле характер у меня неважный, а я кажусь доброй просто потому, что у меня всё есть и все ко мне хорошо относятся.

Она задумалась и серьёзно прибавила:

– Как мне понять, хорошая я или плохая, не знаю. Возможно, характер у меня ужасный, а никто об этом никогда и не догадывался, потому что меня ни разу не испытали.

– Лавинию тоже не подвергали испытанию, но она противная, это совершенно ясно, – проговорила Эрменгарда твёрдо.

Сара задумчиво потёрла кончик носа.

– Может, это просто потому, что она растёт, – произнесла она наконец.

Сара была столь снисходительна оттого, что вспомнила слова мисс Амелии, которая как-то заметила, будто Лавиния так быстро растёт, что это влияет на её здоровье и характер.

Меж тем Лавиния Сару не жаловала. Сказать по правде, она ей безумно завидовала. До того как появилась Сара, она считала себя первой в школе. Достигла этого Лавиния самым простым путём: если кто-то из девочек её не слушался, она знала, как ей досадить. Маленькими она помыкала как хотела, а со сверстницами держалась высокомерно. Она была довольно хорошенькой, её хорошо одевали, и потому, когда воспитанниц вели на прогулку, она всегда шла впереди всех. Но стоило появиться Саре с её бархатными шубками, собольими муфтами и мягкими страусовыми перьями, как мисс Минчин распорядилась, чтобы первой шла она. Поначалу уже одно это было Лавинии обидно; однако со временем обнаружилось, что Сара тоже может иметь на других девочек влияние и достигает этого не тем, что кому-то досаждают, а, напротив, тем, что никогда этого не делает.

Джесси вызвала гнев своей закадычной подружки, честно признав:

– Да, Сара Кру ни капельки не заносится. А ведь она могла бы, Лавви, ты это знаешь. Я бы наверняка не удержалась – и хоть немножко бы занеслась, – если б у меня было столько нарядов и все бы мне так угождали. Нет, это просто противно, до чего мисс Минчин её при родителях выставляет!

– «Пойдите в гостиную, милая Сара, и поговорите с миссис Масгрейв об Индии», – передрознила Лавиния мисс Минчин. – «Поговорите по-французски с леди Питкин, милая Сара, у вас такое дивное произношение». Что-что, а французский она выучила не в пансионе. И ничего тут нет особенного! Она сама говорит, что совсем им не занималась. Просто научилась, потому что её отец всегда по-французски говорил. А что он офицер в Индии, так ничего особенного в этом нет!

– Как тебе сказать... – проговорила с расстановкой Джесси. – Ведь он тигров убивал! У Сары в комнате лежит шкура тигра – так это он его убил. Потому Сара эту шкуру и любит. Она на неё ложится, гладит голову тигра и разговаривает с ним, как с кошкой.

– Вечно она всякими глупостями занимается, – отрезала Лавиния. – Моя мама говорит: глупо фантазировать, как Сара. Мама говорит: она вырастет чудачкой.

Это верно, Сара никогда не заносилась. Она ко всем относилась доброжелательно и охотно делилась всем, чем могла. Эта ученица, которой все завидовали, никогда не обижала самых маленьких, давно привыкших к тому, что зрелые девицы десяти-двенадцати лет от роду их презирают и велют не путаться под ногами. Сара всегда готова была их пожалеть и, если кто-то падал и разбивал коленки, подбегала, помогала встать и утешала, а потом вытаскивала из кармана конфетку или ещё что-нибудь приятное. Она никогда не отталкивала малышей в сторону и не отзывалась с презрением об их летах, словно то было пятно на их биографии.

– Что из того, что ей четыре года? – сурово сказала она Лавинии, когда та, как ни грустно в этом признаться, отшлёпала Лотти и назвала её младенцем. – Через год ей будет пять, а ещё через год – шесть. – Сара широко открыла свои большие глаза и с убеждением прибавила: – А через шестнадцать – всего через шестнадцать лет! – ей будет двадцать.

– Ах, как мы хорошо считаем! – фыркнула Лавиния.

Что говорить, четыре плюс шестнадцать и вправду равнялось двадцати, а двадцать лет – такой возраст, о котором не смели мечтать и самые отважные девочки.

Вот почему малыши Сару обожали. Было известно, что она не раз устраивала у себя в комнате чаепитие для этих презираемых всеми крошек. Им разрешалось играть с Эмили и пить слабенький сладкий чай из чашечек с голубыми цветочками, которые, если подумать, были совсем не такими уж маленькими. Из малышей никто раньше не видывал настоящего кукольного сервиза! Приготовишки стали взирать на Сару как на богиню или королеву. Лотти Ли до того перед ней преклонялась, что, если бы не Сарина доброта, Лотти бы ей надоела. Когда мать Лотти умерла, её легкомысленный папаша отдал дочь в пансион – по молодости он просто не знал, что с ней делать. С Лотти от рождения обращались так, будто она была не то любимой куклой, не то балованной обезьянкой или собачкой, и в результате она стала ужасным ребёнком. Если ей чего-то хотелось или, наоборот, не хотелось, она тотчас начинала кричать и плакать; а так как ей вечно хотелось чего-то недозволенного и не хотелось полезного, её пронзительные вопли то и дело раздавались в разных частях дома. Каким-то образом она узнала, что маленькую девочку, потерявшую мать, все должны жалеть и баловать. Возможно, она слышала, как говорили об этом взрослые сразу же после смерти её матери. И она привыкла беззастенчиво этим пользоваться.

Однажды утром, проходя мимо гостиной, Сара услышала, как мисс Минчин с мисс Амелией безуспешно пытаются утихомирить громко рыдавшую девочку, которая никак не желала замолчать. Она вопила так громко, что мисс Минчин, хотя и сохраняя своё обычное достоинство и даже суровость, чуть не кричала, чтобы быть услышанной.

– Что она плачет?! – кричала мисс Минчин.

– А-а-а! У меня нет ма-моч-ки!

– Ах, Лотти! – надрывалась мисс Амелия. – Пожалуйста, замолчи! Милая, не плачь! Прощу тебя!

– А-а-а! – бурно рыдала Лотти. – Нет ма-а-моч-ки!

– Её надо выпороть, – провозгласила мисс Минчин. – Мы тебя выпорем, негодница!

Лотти ещё пуще заревела, а мисс Амелия расплакалась. Мисс Минчин повысила голос, так что он загремел во всю мощь, а потом вдруг в бессильном гневе вскочила с кресла и бросилась вон из комнаты, оставив мисс Амелию улаживать дело как знает.

Сара стояла в холле, раздумывая, не войти ли ей в гостиную; не так давно она дружески беседовала с Лотти; возможно, ей удастся её успокоить. Выбежав из комнаты, мисс Минчин, к величайшему своему неудовольствию, увидела Сару. Она сообразила, что кричала слишком громко и что голос её, доносясь из гостиной, звучал не очень-то ласково или величественно.

– Ах, это вы, Сара! – воскликнула она с деланой улыбкой.

– Я остановилась, – объяснила Сара, – потому что поняла, что это Лотти... и я подумала... вдруг... кто знает, вдруг я сумею её успокоить. Можно я попробую, мисс Минчин?

– Да, если хотите. Вы умная девочка, – отвечала мисс Минчин, поджимая губы.

Но, увидя, что Сару смутила её резкость, она изменила тон.

– Впрочем, вам всё удаётся, – прибавила она с улыбкой. – Вы с ней наверное справитесь. Можете попробовать.

И она удалилась.

Войдя в комнату, Сара увидела, что Лотти лежит на полу и, громко рыдая, колотит по нему своими толстыми ножками, а над ней с красным и потным лицом стоит на коленях перепуганная мисс Амелия.

Ещё у себя дома в детской Лотти поняла, что если погромче кричать и колотить ногами, то все начинают тебя наперебой успокаивать. Бедная мисс Амелия и так и этак старалась успокоить Лотти, но всё без толку.

– Ах ты, бедняжка! – говорила она. – Я знаю, что у тебя нет мамочки, у бедной... – И тут же меняла тон: – Если ты не замолчишь, Лотти, я тебя ударю!.. Бедный ангелочек! Ну, не плачь!.. Ах ты непослушная, дрянная, отвратительная девчонка! Сейчас я тебя отшлёпаю! Честное слово, отшлёпаю!

Сара молча подошла ближе. Она понятия не имела, что делать, только смутно понимала, что лучше не бросаться из одной крайности в другую и не показывать волнение и беспомощность.

– Мисс Амелия, – произнесла она тихо, – мисс Минчин разрешила мне попытаться её успокоить. Можно я попробую?

Мисс Амелия обернулась и посмотрела на Сару без всякой надежды.

– Вы думаете, вам удастся? – проговорила она, тяжело дыша.

– Не знаю, – отвечала Сара всё так же тихо, – но я постараюсь.

Мисс Амелия глубоко вздохнула и поднялась с колен. Толстые ножки Лотти всё так же энергично били по полу.

– Если вы тихонько выйдете из комнаты, – сказала Сара, – я останусь с ней.

– Ах, Сара, – чуть не плача, отвечала мисс Амелия. – У нас никогда ещё не было такой ужасной воспитанницы. Ей нельзя у нас оставаться.

С этими словами она выскользнула из комнаты, обрадовавшись, что может оставить Лотти на Сару.

С минуту Сара стояла возле вопившей девчушки и молча смотрела на неё. Потом уселась рядом на пол и принялась ждать. Кроме яростных воплей Лотти, в комнате не раздавалось ни звука. Такое положение дел удивило маленькую мисс Ли – она привыкла к тому, что стоит ей закатить истерику, как все приходят в волнение и начинают всячески её уламывать. Лежать на полу, брыкаться и рыдать, в то время как единственный зритель не обращает на неё никакого внимания, – такое ей было внове. Лотти приоткрыла зажмуренные глаза, чтобы взглянуть, кто это сидит рядом. А-а, это просто воспитанница! Правда, у этой воспитанницы есть Эмили и всякие чудесные вещи. Воспитанница пристально глядела на Лотти – видно, обдумывала что-то. Смолкнув на мгновение, чтобы выяснить, что происходит, Лотти решила снова закричать, но тишина, царившая в комнате, и необычное выражение Сарино лица несколько поубавили её пыл.

– У меня... мамочки... не-ет! – выкрикнула она, но голос её звучал как-то неуверенно.

Сара ещё пристальнее вгляделась в Лотти – в глазах её мелькнуло понимание.

– И у меня нет, – сказала она.

Это было так неожиданно, что произвело на Лотти потрясающее впечатление. Она опустила ноги, замерла и уставилась на Сару. Новая мысль может остановить плач ребёнка, если всё другое бессильно. К тому же Лотти не любила ни мисс Минчин, которая вечно сердилась, ни мисс Амелию, которая ей во всём потакала; а Сара, как ни мало она её знала, ей нравилась. Лотти не хотелось так быстро сдаваться, но Сарины слова её отвлекли; она повернулась и, сердито всхлипнув, спросила:

– Где же она?

Сара ответила не сразу. Ей говорили, что её мать на небе, – она много думала и составила об этом собственное представление.

– Она на небе, – наконец сказала она. – Но я уверена, что иногда она приходит взглянуть на меня – хотя я её и не вижу. И твоя тоже приходит. Может, они обе сейчас на нас смотрят. Может, они сейчас здесь, в этой комнате.

Лотти быстро села и огляделась. Это была хорошенькая кудрявая девчушка с круглыми глазами, которые в эту минуту походили на мокрые незабудки. Если бы её матушка наблюдала за ней в последние полчаса, вряд ли она сочла бы её достойным небожительницы чадом.

А Сара продолжала рассказывать. Возможно, кое-кому её слова показались бы сказкой, но она говорила с такой убеждённостью, что Лотти поневоле прислушалась. Ей и раньше говорили, что её мама на небе, что у неё есть крылья и венец; ей показывали картинки с изображением дам в белоснежных ночных рубашках, которых, оказывается, называют ангелами. Но Сара рассказывала так, словно всё это было правдой и в этой прекрасной стране жили живые люди.

– Там все луга в цветах, – говорила, словно во сне, Сара, как всегда, увлекаясь, – и целые поляны лилий, а над ними веет ветерок и разносит по воздуху аромат, и все его вдыхают – всегда, потому что там всегда ветерок. А маленькие дети бегают в лугах, собирают охапки лилий, смеются и вяжут из них венки. А улицы там сверкают. И никто никогда не устаёт, какой бы долгой ни была дорога. Летят себе куда хотят. А стены вокруг этого града – из золота и жемчуга, и они такие низкие, что можно к ним подойти и облокотиться, глядеть вниз на землю и с улыбкой слать нам привет.

Что бы ни стала рассказывать Сара, Лотти, несомненно, замолчала бы и заслушалась; но эта история увлекла её больше других. Она пододвинулась к Саре поближе и жадно ловила

каждое слово. Но вот Сара смолкла – ах, зачем она смолкла?! Стоило Саре замолчать, как губы у Лотти снова задрожали.

– Я хочу туда! – закричала она. – В этой школе... у меня нет ма-а-мы!

Сара увидела, что дело снова принимает опасный оборот, и вышла из забытья. Она взяла Лотти за руку и с улыбкой прижала её к себе.

– Я буду твоей мамой, – сказала она. – Давай играть, будто ты моя дочка. А Эмили будет твоей сестрёнкой.

Лотти заулыбалась.

– Правда? – спросила она.

– Да, – подтвердила Сара и вскочила. – Давай пойдём и ей скажем об этом. А потом я тебя умою и расчесу тебе волосы.

Лотти весело согласилась и побежала за Сарой наверх, совершенно забыв о том, что причиной разыгравшейся в гостиной трагедии было то, что она отказывалась умыться и причесться перед обедом (из-за чего и была призвана на помощь мисс Минчин, чтобы она употребила свой авторитет).

С этого дня Сара стала «приёмной мамой» Лотти.

Глава 5

Бекки

Источником необычайного влияния, которое имела на учениц Сара, было то, что она чудесно рассказывала сказки, – в её устах всё, что бы она ни рассказывала, превращалось в сказку. Этот дар способствовал её популярности гораздо больше, чем окружавшая её роскошь и то «особое положение», на котором она жила, – хотя и вызывал зависть Лавинии и некоторых других девочек, не умевших в то же время устоять против его чарующей силы.

Все, кому довелось учиться в школе, в которой была такая рассказчица, знают, какое это чудо, как за нею ходят и шёпотом просят рассказать что-нибудь, как собираются вокруг рассказчицы немногие счастливицы, в то время как непосвящённые бродят неподалёку в надежде, что и им разрешат подойти и послушать. Сара не только умела, но и любила рассказывать сказки и всякие удивительные истории. Когда, стоя в окружении воспитанниц, она начинала фантазировать, её зелёные глаза широко раскрывались и сияли, щёки разгорались, и она принималась, сама того не сознавая, изображать тех, о ком рассказывала; голос её то взмывал вверх, то падал, стройная фигурка склонялась, раскачивалась, руки выразительно жестикулировали – всё это просто завораживало слушателей, а подчас даже внушало им ужас. Она забывала, что её слушают дети; она видела волшебниц, королей, королев и прекрасных дам и жила их жизнью. Порой, закончив рассказ, она просто задышалась от волнения и, прижав руку к груди, тихонько смеялась над собой.

– Когда я рассказываю, – говорила она, – мне кажется, будто это не выдумка. Мне кажется, будто всё это правда, и даже больше, чем вы все, чем наша классная комната. У меня такое чувство, будто я становлюсь героями своей сказки: сначала одним, потом другим. Это так странно!

Однажды пасмурным зимним днём, года два спустя после поступления в школу мисс Минчин, Сара выходила из коляски, на ней были меха и тёплая бархатная шубка. Она выглядела великолепно, хотя и не подозревала об этом. Переходя улицу, Сара внезапно увидела на лестнице, ведущей вниз, в кухню, маленькую замарашку. Вытянув шею и широко раскрыв глаза, она смотрела через ограду на Сару. Её немывтое личико выражало такое восхищение и робость, что Сара задержала на нём взгляд – и улыбнулась. Сара всем улыбалась.

Но обладательница немывтого лица и широко открытых глаз, видно, испугалась, ведь ей не следовало глазеть на таких важных учениц, и поспешила скрыться, бросившись вниз на кухню. Всё это произошло так быстро, что Сара невольно бы рассмеялась, не будь девочка такой бедной и несчастной.

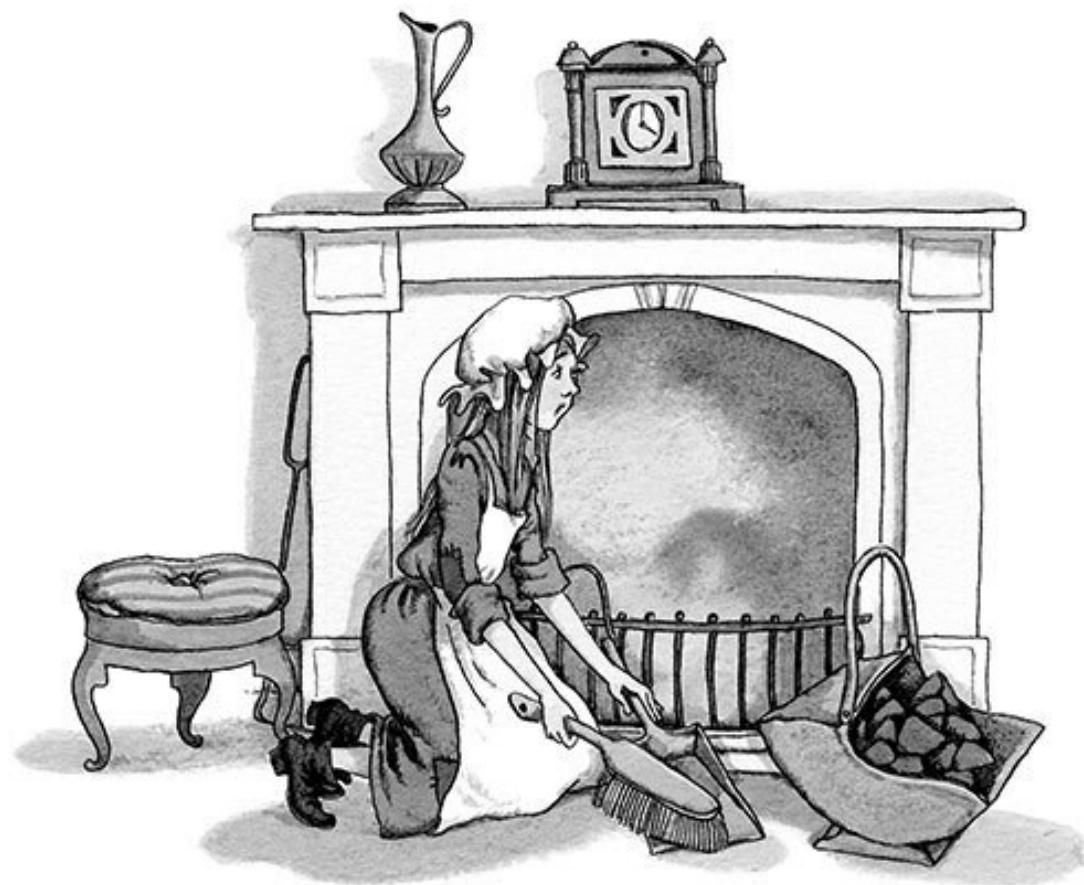
В тот же вечер Сара сидела в уголке классной комнаты и рассказывала собравшимся вокруг неё воспитанницам сказку. Вдруг в комнату робко вошла та самая девочка – она несла ящик с углём, который был явно слишком тяжёл для неё. Опустившись на колени перед камином, она стала подкладывать уголь в огонь и выгребать золу.

Теперь она была не так грязна, как днём, но казалась такой же испуганной. Она явно боялась смотреть на воспитанниц и не хотела, чтобы они заметили, что она слушает сказку. Уголь в камин она клала осторожно, руками, стараясь не стучать, а золу выметала совсем тихо. Но Сара тотчас заметила, что сказка её очень увлекла и что она старается делать всё как можно медленнее, надеясь услышать побольше. Поняв это, Сара стала говорить громче, ясно выговаривая каждое слово.

– Русалки тихо плыли в прозрачной зелёной воде и тянули за собой сеть, сплетённую из морского жемчуга, – рассказывала она. – Принцесса сидела на белом утёсе и смотрела на них.

Это была чудесная сказка о принцессе, которую полюбил морской царь и которая ушла к нему и стала жить в сверкающих пещерах на дне морском.

Маленькая замарашка вымела золу из камина раз... потом другой... потом третий. Сказка так её заворожала, что она замерла, забыв обо всём – даже о том, что не имеет права слушать. Стоя на коленях на коврике перед камином, она откинулась назад – щётка застыла в её руках. А сказка всё звучала, увлекая её в таинственные гроты под водой, освещённые мягким голубоватым светом и выстланные золотистым песком. Диковинные морские цветы и водоросли колыхались вокруг – издалека доносились тихие звуки музыки и пение.

Щётка выпала из заглубевшей руки маленькой служанки.

– Эта девчонка подслушивает! – вскричала Лавиния Герберт, оглянувшись.

Маленькая служанка виновато подняла щётку и вскочила. Она схватила ящик с углём и, словно испуганный заяц, выскочила из комнаты.

Сара вспыхнула.

– Я знала, что она слушает, – сказала она. – А почему бы и нет?

Лавиния изящно покачала головой.

– Не знаю, – проговорила она, – может, твоя мама и разрешила бы тебе рассказывать сказки служанкам, но моя мне бы этого не позволила, я точно знаю!

– Моя мама! – со странным выражением повторила Сара. – Она бы, конечно, не возражала. Она знает, что сказки принадлежат всем.

– А я-то полагала, что твоя мама умерла, – опомнившись, возразила с едкостью Лавиния. – Как она может что-то знать?

– А ты считаешь, она ничего не знает? – тихо, но строго спросила Сара.

Иногда у неё бывал такой тихий, но строгий голос.

– Сарина мама всё знает, – звонко подхватила Лотти. – И моя мама тоже. Здесь, в школе, моя мама – Сара. А та моя мама всё знает. Улицы там сияют, и в полях растут лилии, и все их собирают. Сара мне рассказывает, когда меня спать кладёт.

– Ах вот что! – набросилась Лавиния на Сару. – Ты придумываешь сказки про небо!

– В Библии ещё не такие сказки есть, – возразила Сара. – Откровение Иоанна Богослова. Можешь проверить! И потом – откуда ты знаешь, что это сказки? – В голосе её зазвучал гнев, совсем не подходящий для данного случая. – Но вот что я тебе скажу, Лавиния: ты никогда не узнаешь, сказки это или не сказки, если не станешь к людям добрее. Пошли, Лотти!

И они удалились. Выходя в холл, Сара надеялась увидеть маленькую служанку – но той нигде не было.

– Кто эта девочка, которая разжигает камин? – спросила она у Мариэтт в тот же вечер.

Ах, немудрено, что мадемуазель Сара спрашивает, защебетала Мариэтт. Эту бедняжку взяли судомойкой, – правда, она не только моет посуду, на неё всё взваливают. Она чистит ботинки и каминные решётки, таскает наверх уголь, моет полы и окна, и все кому не лень ею помыкают. Ей уже четырнадцать лет, но она такая малорослая, что больше двенадцати ей ни за что не дашь. Сказать по правде, Мариэтт её жалеет. Она такая робкая, что, если с ней вдруг заговорить, у неё от страха чуть глаза из орбит не выскакивают.

– А как её зовут? – спросила Сара.

Она сидела у стола, опершись подбородком на руки, и внимательно слушала рассказ Мариэтт.

Зовут её Бекки. Мариэтт слышала, как внизу то и дело кричали: «Бекки, сделай то!», «Бекки, сделай это!».

Мариэтт вышла, а Сара ещё посидела, глядя в огонь и размышляя о Бекки. В голове у неё начала складываться сказка: Бекки была в этой сказке героиней, которую все обижали. Похоже, она никогда не ест досыта, думала Сара, у неё даже глаза голодные. Сара надеялась, что снова встретит Бекки, но, хотя позже она несколько раз видела, как Бекки что-то тащит наверх, та всегда так спешила и так боялась, что её заметят, что говорить с ней было невозможно.

Однако несколько недель спустя, войдя в такой же пасмурный день в свою гостиную, Сара увидела жалкую картину. В её любимом кресле перед ярко горевшим камином сидела Бекки. Нос и передник у неё были перепачканы сажей, чепчик сбился на сторону, рядом с ней на полу стоял пустой ящик с углём, а сама она, измученная непосильным трудом, крепко спала. Её послали наверх убирать спальни. Спален было множество, и она трудилась весь день. Комнаты Сары она оставила напоследок. Они не походили на просто обставленные комнаты других воспитанниц, в которых стояли лишь самые необходимые вещи. Гостиная Сары казалась маленькой служанке островком роскоши, хотя на деле это была всего лишь уютная светлая комната. Но в ней стоял диван и низкое мягкое кресло, а ещё там были картины, книги и всякие диковинки из Индии; в начищенном камине ярко горел огонь, а в креслице, словно верховное божество, восседала Эмили. Бекки оставляла эту комнату напоследок – ей было приятно в неё заходить, и она всегда надеялась, что ей удастся выкроить несколько минут, сесть в мягкое кресло, оглядеться и подумать о той счастливице, которая здесь живёт. Она такая красивая, эта мисс Кру! А в холодные дни она выходит погулять в таких дивных капорах и шубках! Бекки всегда хотелось хоть одним глазком глянуть на них сквозь решётку.

Когда Бекки присела в тот день в кресло, чтобы дать отдохнуть ногам, которые так и ныли от беготни, блаженное чувство покоя нахлынуло на неё, а от огня, пылавшего в камине, её охватила истома. Она глядела на раскалённые угли – и на измазанном сажей лице постепенно расплывалась усталая улыбка. Голова её упала на грудь, веки опустились, и она крепко заснула. Минут через десять в комнату вошла Сара, но Бекки спала так крепко, что казалось, будто вот уже сотня лет, как она, наподобие Спящей красавицы, погрузилась в сон. Только бедная Бекки

совсем не походила на Спящую красавицу. Это была некрасивая, низкорослая, измученная непосильной работой девочка.

Рядом с ней Сара казалась существом из иного мира, до того велика была разница между ними.

В тот день у девочек был урок танцев, и, хотя учитель появлялся в пансионе каждую неделю, эти уроки считались важным событием. Воспитанницы одевались для них в самые нарядные платья, а так как Сара отменно танцевала и её всегда ставили впереди, Мариэтт просили одеть её во что-то прозрачное и воздушное.

Сегодня на Саре было розовое платье, а чёрные волосы украшал сплетённый Мариэтт венок из бутонов живых роз. Сара разучивала новый чудесный танец, скользила и летала по зале, словно большая розовая бабочка; лицо её так и сияло от быстрого движения и удовольствия.

Она впорхнула в комнату – и вдруг увидела спящую Бекки, со сбившимся на сторону чепцом.

– Ах! – еле слышно выдохнула Сара. – Бедняжка!

Её ничуть не рассердило, что в её любимом кресле расположилась маленькая замарашка. Она даже обрадовалась, увидев Бекки. Теперь, когда несчастная героиня её сказки проснётся, она сможет наконец с ней поговорить. Она осторожно подошла к Бекки и остановилась, глядя на неё. Бекки слегка всхрапнула.

«Хорошо бы она проснулась сама, – подумала Сара. – Не хочется её будить. Только вот мисс Минчин рассердится, если увидит её здесь. Подожду ещё немножко».

Она присела на край стола и, болтая стройными розовыми ножками, задумалась, как лучше поступить. В любую минуту в комнату могла войти мисс Амелия – и тогда Бекки достанется!

«Но она так устала, – думала Сара. – Так ужасно устала».

В эту минуту раскалённый уголёк отлетел от большого куска угля, горевшего в камине, и, упав на пол, положил конец её сомнениям. Бекки вздрогнула и в испуге открыла глаза. Неужто она заснула? Вот только присела на минуточку перед камином, и вдруг оказалось, что она спала, – какой ужас! А рядом, словно дивная розовая фея, сидит мисс Кру и с интересом смотрит на неё!

Бекки вскочила и схватилась руками за чепчик. Она чувствовала, что он съехал ей на ухо, и постаралась поскорее его поправить. Ах, вот беда-то! Что за дерзость – заснуть в кресле барышни! Да её просто выгонят – и жалованья не заплатят!

С её губ слетел какой-то звук, похожий на рыдание.

– Ах, мисс! Мисс! – лепетала она, заикаясь. – Простите меня, мисс! Простите, прошу вас!

Сара спрыгнула со стола и подошла к ней.

– Не бойся, – проговорила она так, словно говорила с такой же девочкой, как она сама. – Ничего страшного!

– Я нечаянно, мисс, – оправдывалась Бекки. – Меня от тепла разморило – а я так устала. Это совсем не вольность с моей стороны!

Сара ласково рассмеялась и положила руку ей на плечо.

– Ты устала, – проговорила она, – и не заметила, как заснула. Я понимаю, ты и сейчас ещё не совсем проснулась.

С каким изумлением поглядела на неё бедная Бекки! Никто никогда не говорил с ней так ласково и сердечно. Она привыкла к тому, что её куда-то слали, бранили и награждали пощёчинами. А эта барышня в таком чудесном бальном платье смотрит на неё так, словно она ни в чём не виновата... словно она имеет право устать... и даже заснуть! Прикосновение Сариной мягкой и тонкой ручки показалось Бекки совсем удивительным.

– Так вы... не сердаете, мисс? – удивилась Бекки. – И хозяйке не пожалуетесь?

– Нет-нет, – вскричала Сара. – Ни за что!

На измазанном углём лице Бекки застыл такой испуг, что сердце Сары сжалось от жалости. В голове у неё мелькнула одна из её странных мыслей. Она прижала руку к щеке маленькой судомойки.

– Ведь между нами нет никакой разницы, – сказала Сара. – Я такая же девочка, как и ты. Просто так случилось, что я – не ты, а ты – не я!

Бекки растерялась. Ум её отказывался воспринимать такие странные мысли. «Случилось»? В её воображении мелькнула мысль о каком-то несчастье. Может, кто-то попал под колёса или свалился с лестницы и оказался в «больничке»?

– Случилось, мисс? – с почтительным испугом переспросила она. – Неужто?

– Ну да, – отвечала Сара, задумчиво глядя на неё.

Но через минуту встряхнулась и заговорила другим тоном. Она увидела, что Бекки не понимает, о чём идёт речь.

– Ты свою работу закончила? – спросила она. – Можешь побыть здесь ещё немножко?

Бекки глубоко вздохнула.

– Здесь, мисс?! Я?!

Подбежав к двери, Сара распахнула её, выглянула в коридор и прислушалась.

– Никого не видно, – объявила она. – Если ты все спальни убрала, может, ты могла бы немного задержаться. Я подумала... может, ты бы съела кусочек пирога?

Следующие десять минут показались Бекки каким-то дивным сном. Сара отворила шкаф и дала Бекки кусок пирога; с удовольствием наблюдая, как Бекки жадно его уплетает, Сара болтала, расспрашивала её и смеялась, пока мало-помалу страх у Бекки не прошёл и она, набравшись смелости, не решилась и сама задать Саре вопрос.

– А это... – спросила Бекки, глядя с восхищением на розовое платье, – это ваше лучшенькое?

– Я в нём танцую, – отвечала Сара. – Мне оно нравится – а тебе?

От восторга Бекки едва не лишилась дара речи. Наконец она с благоговейным ужасом произнесла:

– Раз я принцессу видала. Стою это я в толпе на улице возле Ковент-Гардена⁸ и смотрю, как господа в теантер идут. Была там одна – на неё люди больше всех глазели. Так все друг другу и говорили: «Это принцесса». Она уже совсем большая была, только вся в розовом – и платье, и накидка, и цветы, и всё-всё! Я о ней сейчас вспомнила, когда вас, мисс, увидала, как вы на столе сидите. Уж очень вы на неё похожи.

– Я часто мечтала, – проговорила Сара задумчиво, – хорошо бы быть принцессой. Интересно, каково это – быть принцессой. Пожалуй, попробую представить себе, что я и впрямь принцесса.

Бекки с восторгом смотрела на Сару, ловила каждое её слово, хотя, как и раньше, не понимала. Сара на минуту задумалась, а потом снова обернулась к Бекки.

– Бекки, – спросила она, – ты слушала, когда я рассказывала ту сказку?

– Да, мисс, – призналась Бекки с тревогой. – Я знаю: не следовало мне её слушать, только она такая чудесная, что я никак не могла удержаться.

– Я рада, что ты её слушала, – сказала Сара. – Когда я рассказываю сказку, мне всегда надо, чтобы её хотели слушать. Не знаю, почему это так. Хочешь узнать, что там было дальше?

Бекки опять глубоко вздохнула.

– Я?! Послушать?! – вскричала она. – Словно я тоже воспитанница, мисс? Про принца... и про маленьких русалочек, как они там плавают и смеются... а в волосах у них блестят звёздки?

Сара кивнула.

– Сейчас мы, боюсь, не успеем, – сказала она, – но если я буду знать, когда ты убираешь мои комнаты, то постараюсь приходить сюда в это время и буду тебе каждый день понемногу рассказывать, пока не дойду до конца... Эта сказка такая длинная – я всё время в неё что-то добавляю.

– Ну, тогда, – блаженно выдохнула Бекки, – ничего, что ящик с углём тяжёлый... ничего, что кухарка ругается... если у меня будет это!

– Да, будет, – сказала Сара. – Я тебе всё расскажу.

Когда Бекки спустилась вниз, это была уже не та Бекки, которая с трудом взбиралась по лестнице, сгибаясь под тяжестью ящика с углём. Она поела и обогрелась, а в кармане у неё лежал ещё один кусок пирога. Она отогрелась не только возле камина – но возле Сары.

Проводив Бекки, Сара присела, как любила, на краешек стола. Ноги она поставила на стул, локтями оперлась о колени, а подбородком – на руки.

– Будь я принцессой... настоящей принцессой, – прошептала она, – я бы щедро одаривала народ. Но даже если я буду принцессой, я всё же только в своём воображении смогу хоть что-то дарить людям. Вот как сейчас! Бекки так обрадовалась, словно целое состояние получила. Вот что: буду делать людям приятное – ведь это всё равно, что щедро осыпать их дарами. Так я сейчас и сделала.

⁸ Королевский оперный театр в Лондоне.

Глава 6

Алмазные копии

Вскоре после этого Сара получила поразительное известие. Оно взволновало не только Сару, но и всю школу – несколько недель кряду все только о нём и говорили. В одном из своих писем капитан Кру поведал удивительную новость. В Индию неожиданно приехал его старый школьный друг, который навестил его. Ему принадлежал большой участок земли, где были найдены россыпи алмазов, и он начал их разработку. Если всё пойдёт так, как он полагает, он станет фантастически богат; он в этом не сомневался и, будучи очень привязан к капитану Кру, пригласил его в партнёры, чтобы дать ему возможность разделить это неслыханное богатство. Вот всё, что поняла Сара из отцовских писем. Сказать по правде, любое другое предприятие, каким бы многообещающим оно ни было, не заинтересовало бы ни Сару, ни её подруг. Однако «алмазные россыпи» – это уж прямо «Тысяча и одна ночь»: никто не мог отнестись к ним спокойно. Сару они очень увлекли, и она рисовала картины для Лотти и Эрменгарды: запутанные ходы в недрах земли со сводами, усыпанными сверкающими камнями, и непонятные темнокожие люди, бившие в стены тяжёлыми кирками.

Эрменгарда слушала эти рассказы с восторгом; Лотти требовала, чтобы Сара повторяла их каждый вечер. Лавинию эти разговоры раздражали – она призналась Джесси, что вообще не верит в алмазные копии.

– У моей мамы есть кольцо с бриллиантом, оно сорок фунтов стоило, – сказала она. – Совсем небольшое! Если бы существовали копии, в которых этих бриллиантов или алмазов было столько, их владельцы так бы разбогатели, что просто смешно.

– Может, Сара станет такой богатой, что будет просто смешной, – захихикала Джесси.

– Она и так смешна, – фыркнула Лавиния.

– По-моему, ты её ненавидишь, – сказала Джесси.

– Вот ужнисколько, – отрезала Лавиния. – Просто не верю я в алмазные копии!

– Ну знаешь, откуда-то всё же алмазы добывают, – возразила Джесси. И со смешком прибавила: – А знаешь, Лавиния, что сказала Гертруда?

– Если опять о Саре – не знаю и знать не хочу!

– Да, о Саре. Знаешь, теперь у неё «фантазия», будто она принцесса! Она всё время в эту игру играет, даже в классе. Говорит, так она лучше уроки запоминает! Она хочет, чтобы Эрменгарда тоже стала принцессой, но Эрменгарда говорит: я слишком толстая.

– Она и правда слишком толстая, – согласилась Лавиния. – А Сара слишком тощая!

И Джесси, конечно, снова захихикала.

– Она говорит: не важно, красивая ты или нет, богатая или бедная. Главное – что ты думаешь и как поступаешь!

– Небось воображает: будь она нищенкой, всё равно была бы принцессой, – заметила Лавиния. – Давай звать её «Ваше королевское высочество»!

Занятия в этот день уже кончились, и приятельницы сидели перед камином в классной. Это время дня девочки особенно любили. Мисс Минчин и мисс Амелия пили по окончании уроков чай в гостиной, куда ученицам вход был заказан. В эти часы воспитанницы беседовали и поверяли друг другу свои тайны, особенно если младшие вели себя тихо, не ссорились и не бегали с шумом по комнате, что, по правде, случалось не часто. Когда же малыши поднимали шум, старшие ученицы бранили их и одёргивали. Им полагалось следить за порядком, а если малыши слишком шумели, появлялись мисс Минчин или мисс Амелия и клали конец приятному времяпрепровождению. Не успела Лавиния закончить фразу, как дверь отворилась и в классную вошла Сара с Лотти, которая теперь, словно собачка, не отходила от неё ни на шаг.

– Вот и она, с этой противной девчонкой! – прошипела Лавиния. – Если она её так любит, пусть бы держала у себя в комнате. Не пройдёт и пяти минут, как она заревёт!

Лотти, как оказалось, внезапно захотелось поиграть в классной, и она попросила Сару пойти с ней. Она присоединилась к малышам, которые играли в углу. Сара устроилась у окна и, раскрыв книгу, погрузилась в чтение. Это была история Французской революции. Сара забыла обо всём, читая о страданиях узников в Бастилии. Эти несчастные провели столько лет в темницах, что, когда наконец их освободили и вывели оттуда, они были уже стариками. Длинные седые волосы свисали до плеч, лица заросли бородой, они забыли о том, что есть и другая жизнь, кроме тюрьмы, и шли неуверенно, словно во сне.

Мыслями Сара была далеко от классной; когда Лотти вдруг пронзительно закричала, она с трудом вернулась к действительности. Ей всегда стоило немалого труда сдержаться, если её вдруг отрывали от чтения. Тем, кто любит читать, знакомо это чувство раздражения. В такие минуты трудно бывает сдержаться и не наговорить резкостей. «Мне в таких случаях кажется, будто меня ударили, – призналась однажды Сара Эрменгарде, – и хочется ответить ударом на удар. Приходится брать себя в руки, чтобы сгоряча не отругать помешавшего».

Вот и сейчас, когда она положила книжку на сиденье в оконном проёме и спрыгнула на пол, ей пришлось снова брать себя в руки.

Лотти всё это время занималась тем, что скользила по паркету, словно по льду, и так шумела, что рассердила Лавинию и Джесси, а потом упала и ушибла коленку. Она рыдала и корчилась от боли, а воспитанницы окружили её и то уговаривали, то бранили.

– Сию же минуту перестань! – приказывала Лавиния. – Плакса! Перестань сию же минуту!

– Я не плакса! Не плакса! – рыдала Лотти. – Сара! Са-ра!

– Если она не замолчит, мисс Минчин её услышит! – вскричала Джесси. – Лотти, миленькая, замолчи – я дам тебе пенни!

– Не нужно мне твоего пенни, – всхлипнула Лотти и взглянула на свою пухленькую коленку.

Увидев капельку крови, она снова разразилась рыданиями.

Сара подбежала к ней и, опустившись на пол, обняла.

– Ну-ну, Лотти, – уговаривала она. – Лотти, ты ведь Саре обещала! Лотти!

– Она говорит, я плакса, – рыдала Лотти.

Сара погладила её по плечу – впрочем, голос её был твёрд. Лотти хорошо знала этот голос.

– Но, Лотти, дорогая, ты и будешь плаксой, если не перестанешь. Лотти, ты обещала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.